ДАВНІЯ ВСТРѢЧИ.

(Изъ воспоминаній А. Н. Андреева)

1. Бальзакъ.

Въ старое доброе время, когда не только въ Россіи, но и въ Европѣ не было вовсе желѣзныхъ дорогъ, Петербургская Биржа весною представляла настоящій весенній праздникъ. Чего, чего только не привозили туда на первыхъ корабляхъ, нагруженныхъ разными примѣрами и рѣдкостями. И устрицы, и гомары, и всякія рыбы, свѣжія овощи, вина, обезьяны, попугаи, канарейки, свинки, раковины: все, что̀ услаждало вкусъ прихоти и доставляло комфортъ для жизни. Лавки Елисѣева, Смурова, Вьюшина и др. были буквально переполнены самыми избранными лицами Петербургскаго общества, и какъ это тогда было въ большой модѣ, то врядъ ли во всемъ Петербургѣ находился хотя одинъ достаточный и принадлежавшій къ образованному обществу человѣкъ, который бы хоть разъ не побывалъ на этомъ оживленномъ базарѣ.

Жилъ тогда въ Петербургѣ одинъ близкій мой родственникъ, нѣкто Ф., сынъ хотя богатыхъ родителей, но проживавшій ровно въ десять разъ больше своихъ средствъ, главнѣе всего оттого, что, по безхарактерности своей, гонялся въ расходахъ и удовольствіяхъ за самыми богатыми изъ Петербургской золотой молодежи, дружился со всѣми мѣстными и пріѣзжими знаменитостями и артистами, словомъ безъ разбора и счета бросалъ деньгами, которыхъ, увы, давно ему не доставало.

Въ то время, о которомъ я хочу говорить, пріѣхалъ въ Петербургъ писатель Бальзакъ, находившійся въ апогеѣ своей Европейской извѣстности и славы. Какъ же было родственнику моему Ф. не познакомиться съ пріѣзжей знаменитостью? И вотъ очень скоро они стали друзьями и почти что даже неразлучными. Бальзакъ любилъ хорошо покушать, Ф. доставлялъ ему удовольствіе это часто, возя по лучшимъ ресторанамъ и конечно угощая всегда на свой счетъ. Какъ же Русскому и не быть гостепріимнымъ? Особенно для такой знаменитости, которая, даже по мнѣнію самого Бальзака, озарила лучами своей славы всѣхъ, до кого прикасалась.

Въ это время я былъ только-что выпущенъ въ офицеры, и не знаю самъ, какъ сдѣлался постояннымъ членомъ въ кружкѣ моего родственника, участвуя въ его пиршествахъ и бесѣдахъ, но конечно только не карманомъ что было несовмѣстно ни съ моими годами, ни съ состояніемъ.

Вотъ однажды весною приглашаетъ Ф. меня на Биржу посмотрѣть и попробовать новаго привоза нѣкоторыхъ очень вкусныхъ и интересныхъ снѣдей. Часомъ пріѣзда было назначено 12 часовъ. Пріѣзжаю я и застаю моего родственника съ цѣлой, повидимому уже приглашенной имъ компаніей. Здѣсь были нѣкоторые литераторы, художники и актеры. Я тогда только-что поставилъ на Александринской сценѣ нѣсколько водевилей, и слѣдовательно въ этомъ кружкѣ уже что-нибудь да значилъ. Послѣ долгаго ожиданія и предварительной выпивки (В. В. уже успѣлъ, по обыкновенію, на счетъ нашего амфитріона, отправить себѣ на квартиру корзину съ винами и закусками), около часу дня явился Бальзакъ, извиняясь, что былъ задержанъ какимъ-то вельможей или посланникомъ.

Не стану описывать, что происходило потомъ: устрицы смѣнялись гомарами, креветы Страсбургскимя пирогами, Вестфальская ветчина всякаго рода консервами, сырами и пр. Все это заливалось шампанскимъ и самыми утонченными винами и ликерами; словомъ, было разливанное море, въ конецъ всѣхъ отуманившее. Послѣ вина появились застольныя рѣчи (нужно замѣтить, что завтракъ сервировался въ отдѣльномъ кабинетѣ); онѣ полились неудержимымъ потокомъ, всѣ говорили по одиночкѣ и вмѣстѣ. Даже кажется, и я, при всей неопытности, сказалъ какое-то общее мѣсто. Всѣ ждали рѣчи Бальзака.

Наконецъ, поднимается этотъ приземистый, тучный и по тому времени уже далеко немолодой человѣкъ. Мы всѣ насторожили уши и ждали, какъ манны, какого-либо блестящаго слова, привѣтствія, благодарности или тому подобнаго; но услышали ниже слѣдующее рѣзко запечатлѣвшееся въ моей памяти до настоящей минуты.

„Что мы дѣлаемъ, господа? Мы прожигаемъ жизнь и сжигаемъ наше достояніе. Развѣ для удовлетворенія желудка нужна вся эта роскошь и пресыщеніе? Она ему скорѣе вредна, чѣмъ здорова. А чѣмъ мы платимъ за эти излишества? Мы проѣдаемъ не деньги, а нашу свободу. Да господа! Мы платимъ свободою за эту пищу и эти напитки; мы поступаемъ къ нимъ въ рабство. Кто сохранилъ свои деньги, тотъ пользуется свободой поступковъ въ жизни; кто ихъ растратилъ, тотъ уже не человѣкъ своего произвола. Тотъ нищій и рано или поздно будетъ презрѣннымъ. Помните, господа, это и сохраните до смерти вашу свободу“.

Въ отношеніи моего родственника предсказаніе Бальзака сбылось очень скоро. Разоренный въ конецъ, онъ долженъ былъ ежедневно бѣгать отъ заимодавцевъ, пока, наконецъ, не кончилъ жалкую жизнь въ какой-то мансардѣ, оставленный не только друзьями, но даже и родными, которымъ давно уже сдѣлался въ тягость постоянными займами и плачемъ о своей участи.

II. Джунковскій.

Это было давно, въ первое мое путешествіе за границу (1852 г.) Тогда не только въ Россіи, но и въ большей части Европы не было вовсе желѣзныхъ дорогъ, и путешествіе совершалось или на перекладной бричкѣ или въ дилижансахъ. Во всей Италіи было тогда только три небольшихъ участка желѣзныхъ дорогъ: 1) отъ Милана до Мантуи, 2) отъ Флоренціи до Пизы и 3) отъ Капуи до Неаполя, протяженіемъ въ общей сложности не болѣе 250 верстъ.

Дилижансовая ѣзда имѣетъ свои пріятности, но и свои неудобства. Ѣдучи въ дилижансѣ, можешь лучше ознакомиться со страной. Остановки для перемѣны лошадей, нерѣдко еще для обѣдовъ и завтраковъ и часто на довольно продолжительное время, даютъ возможность отдохнуть отъ усталости, и, наконецъ, интересное и близкое сосѣдство по каретѣ много развлекаетъ любознательнаго путешественника.

Объ одномъ изъ такихъ сосѣдей по дилижансу (Стадерини), между Флоренціей и Болоньей, я хочу сказать нѣсколько словъ.

Пріѣхалъ я въ почтамтъ во Флоренціи ранымъ-рано: дилижансъ отходилъ въ 6 часовъ утра во избѣжаніе ночной ѣзды по крутымъ отрогамъ Апенинскихъ горъ. Всѣ пассажиры въ сборѣ (два мѣста внутри кареты и два на имперіалѣ). Сосѣдомъ моимъ по каретѣ оказался аббатъ, высокій, очень плотный собою, съ гладко выбритой бородой и усами. Его провожало нѣсколько лицъ изъ духовнаго званія; при немъ было необыкновенное множество всякой поклажи, и, признаться сказать, чувствуя органическое отвращеніе къ католическимъ монахамъ, я не очень-то обрадовался перспективѣ просидѣть болѣе сутокъ глазъ съ глазу съ человѣкомъ, котораго заранѣе уже ненавидѣлъ, имѣя случай сталкиваться съ іезуитами во Франціи, Италіи и Испаніи.

Когда всѣ пассажиры усѣлись, и карета тронулась, то, не дожидаясь даже выѣзда за заставу, аббатъ, у котораго все-таки лицо было довольно симпатичное и добродушное, началъ развязывать безконечные свои короба и укладки и, нимало не безпокоясь, стѣсняетъ ли это меня, выкладывалъ оттуда всевозможные ликеры, паштеты, сыры и т. д. Отхлебнувъ добрую порцію абсента, онъ передалъ фляжку мнѣ и просилъ не церемониться, потому что до Болоньи у него запасу хватитъ съ избыткомъ, а тамъ всегда можно его возобновить. Мнѣ захотѣлось хоть этимъ наказать аббата за его безцеремонность; я отхлебнулъ изрядную дозу абсента, который вообще пьется съ водою; на этотъ разъ онъ оказался превосходнаго качества. Только-что заговорилъ я, отдавая ему назадъ фляжку, какъ онъ перебилъ меня словами на чисто-Русскомъ языкѣ: „Вы Русскій?“ Русскій! Но съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? Аббатъ полѣзъ въ карманъ и подалъ мнѣ визитную карточку, которую я и до сихъ поръ сохраняю. На ней значится „Djounkofsky, préfet apostolique des régions

arctiques". Видите ли, весело сказалъ онъ, я состою соперникомъ съ вашимъ императоромъ Николаемъ въ отношеніи обладанія сѣверными странами. Я главный миссіонеръ, и мнѣ подчинены всѣ младшіе миссіонеры, какіе бы они тамъ ни были, на протяженіи безъ малой четверти всего земнаго шара. Очень радъ съ вами познакомиться. Я думалъ уже проскучать дорогою; но благодарю Бога, что Онъ мнѣ послалъ милаго и пріятнаго спутника.

— Почему же вы знаете, что я милый, да еще пріятный? Не обладаете ли вы даромъ ясновидѣнія?

— А абсентъ! Нѣтъ, батюшка, кто умѣетъ пить эту амврозію въ такомъ количествѣ, не поморщившись, отъ того уже я не отстану и для перваго раза беру съ васъ слово докончить вмѣстѣ весь взятый мною запасъ до ограды Болоніи.—Меня этимъ не испугаете, отвѣчалъ я и тотчасъ же потребовалъ повторенія.

Нужно ли говорить, что всю дорогу я не видалъ, какъ провелъ время. Мы весело болтали безъ умолку, и не безъ основанія я дивился уму и находчивости этого, тогда еще въ первый разъ ренегата, впослѣдствіи же двойнаго и кончившаго жизнь, увы, при обстановкѣ, достойной много лучшей участи.

III. Д. Т. Ленскій.

Врядъ ли найдется теперь, да немного было и въ старое время, такихъ талантливыхъ, умныхъ людей, какъ актеръ, переводчикъ многихъ театральныхъ пьесъ и стиховъ, незабвенный Дмитрій Тимоееевичъ Ленскій, настоящая фамилія котораго была Воробьевъ, а происхожденіе—семья купеческая.

Водевили его, большею частію переводные, бывали лучше своихъ оригиналовъ; таковы напр. „Левъ Гурычъ Синичкинъ", „Барская спѣсь и Анютины глазки" и проч. Стихотворенія Беранже онъ передавалъ нисколько не хуже оригинала. Находчивость его была истинно поразительна. Особенно хорошъ былъ онъ въ безчисленныхъ экспромтахъ и импровизаціяхъ, которыя заучивались и повторялись цѣлой Москвой. Никто не хотѣлъ вѣрить, что эти импровизаціи выливались у него готовыми, мгновенно и цѣликомъ, какъ вышла Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера.

По моей близости къ нему, я бывалъ свидѣтелемъ его даровитости.

Юбилей извѣстнаго М. С. Щепкина праздновался въ залахъ Училища Живописи и Ваянія, что́ на Мясницкой, и народу собралось множество, потому что всякій хотѣлъ почтить чѣмъ-нибудь своего любимца *). Когда

*) Помнится мнѣ, какъ другой острословъ профессоръ Александръ Осиповичъ Армфельдъ, пріѣхавъ прямо съ этого юбилея къ однимъ нашимъ общимъ знакомымъ, на вопросъ, много ли было, отвѣчалъ: такъ много, такъ много, что я хотѣлъ смѣяться по обыкновенному, но отъ тѣсноты долженъ былъ держать губы горизонтально. Разумѣется онъ тутъ же представилъ это губами. П. Б.

Ленскаго позвали на юбилей, онъ сказалъ, что не хотѣлъ бы этого дѣлать, потому что заранѣе знаетъ, что тамъ произойдетъ:

„Заиграетъ оркестръ Сакса,
И заискрится Ай,
И заплачетъ старый плакса,
А съ нимъ денежки мои".

Однакожъ, сдавшись на убѣжденія мои и общаго нашего пріятеля профессора Рамазанова, Ленскій поѣхалъ, и мы усѣлись въ концѣ длиннаго стола, составивъ съ нѣкоторыми еще знакомыми отдѣльную кучку.

Обѣдъ сначала былъ нѣсколько скученъ; но когда полилось шампанское и начались тосты, то видимо оживился. Рѣчи говорили профессора Университета, художники, литераторы и, наконецъ, расплакавшись не на шутку, поднялся съ креселъ и самъ юбиляръ. Онъ горячо благодарилъ всѣхъ за данный ему праздникъ, говорилъ, что этого не ожидалъ, да и не заслуживалъ, что талантомъ и развитіемъ своимъ обязанъ принявшимъ въ немъ участіе литераторамъ, драматургамъ и нѣкоторымъ своимъ товарищамъ. Тутъ онъ назвалъ имена князя Шаховскаго, Загоскина, С. Т. Аксакова, Лажечникова, изъ товарищей упомянулъ Сосницкаго, Живокини, г. Рѣпину, Львову, Синецкую, но о главномъ бывшемъ корифеѣ всей труппы, покойномъ Мочаловѣ, котораго онъ былъ всегда завистникомъ и соперникомъ, не сказалъ ни слова.

Никто въ то время не замѣтилъ этой выходки Михаила Семеновича; замѣтилъ ее только Ленскій, и когда потомъ стали приставать къ нему, чтобы и онъ сказалъ свое слово, онъ отвѣчалъ, что ничего изъ рѣчей не слыхалъ потому, что задремалъ отъ вина и даже успѣлъ видѣть сонъ.

— Ну разскажите вашъ сонъ, начали къ нему приставать снова. Ленскій тогда всталъ и, вытянувшись во весь ростъ, произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Въ изсохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ,
Сейчасъ мнѣ Мочаловъ приснился.
Покойникъ вздохнулъ, прослезился
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
Вѣнчалъ меня Щепкинъ во гробѣ.
Давно ужъ въ земной я утробѣ
Покоюсь по волѣ Христа.
А нѣтъ надо мною креста!
Подъ снѣгомъ заглохла могила,
И трудно дойти до нея.
Москва обо мнѣ позабыла,
А я былъ любимецъ ея!"
И такъ, благородные гости,
Внемлите вы просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости,

Поставимъ ему мазволей.
Пусть каждый, кому что́ угодно,
Подпишетъ по силѣ своей,
И кончимъ тогда превосходно
Мы Щепкинскій здѣсь юбилей.

Оглушительныя ру[ы]оплесканія и ура! послѣдовали за этой импровизаціей. На столѣ появился подписной листъ, а въ рукахъ моего пріятеля Кублицкаго его шляпа, въ которую тутъ же накидали много бумажекъ, и самъ юбиляръ, вторично расплакавшись, подписалъ 50 рублей. Подписка возросла въ тотъ вечеръ до 650 рублей, на которые Мочалову и воздвигнутъ въ настоящее время мраморный памятникъ на Алексѣевскомъ кладбищѣ.

IV. Актеръ Максимовъ.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній Александрійскаго театра, въ лучшую эпоху его процвѣтанія, былъ безспорно Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, единственный Чацкій въ „Горе отъ Ума“, да пожалуй и лучшій Гамлетъ, когда-либо появлявшійся на Русскихъ сценахъ. Умный, изящный, вдумчивый, актеръ Максимовъ не пренебрегалъ никакими ролями и игралъ чуть не ежедневно, переходя отъ самаго ничтожнаго водевиля до первыхъ драматическихъ ролей. Эта усиленная работа и постоянное напряженіе нервовъ стоили ему здоровья, и онъ умеръ въ молодыхъ годахъ отъ скоротечной чахотки.

Одно, въ чемъ можно было бы его упрекнуть, это въ небрежномъ отношеніи къ самому себѣ, какъ къ человѣку. Онъ не соображалъ выносливости своихъ физическихъ силъ, предавался разнаго рода излишествамъ и часто увлекался самымъ необузданнымъ образомъ.

Однажды, опоздавъ нѣсколько на репитицію и тѣмъ заставивъ себя ждать, Максимовъ извинился передъ обществомъ своихъ товарищей тѣмъ, что будто, зайдя въ какую-то кондитерскую, онъ выпилъ одинъ 25 рюмокъ абсенту и нѣсколько охмѣлѣлъ.

— Ну, ты 25 рюмокъ абсента не выпьешь, возразилъ ему актеръ П. И. Григорьевъ, отличавшійся правдивостію и пуризмомъ. Ты бы тогда и на ногахъ не стоялъ.

— Вотъ, перебилъ его быстро Максимовъ, еслибъ меня почаще такъ останавливали, я можетъ быть меньше и лгалъ. А то всѣ смѣются, какъ будто со мной соглашаются. Это поощряетъ меня, и по неволѣ я увлекаюсь.

Максимовъ былъ женатъ на танцовщицѣ Аполонской. На сколько мужъ былъ уменъ, щедръ и великодушенъ, на столько супруга была ограничена, глупа и при этомъ скупа даже до жадности. Бывало, Максимовъ позоветъ гостей изъ своихъ товарищей и театраловъ - пріятелей; а жена, узнавъ про эту затѣю, приказываетъ тушить свѣчи, не отпирать парадняго входа и даже сама, высунувшись за окно, кричитъ пріѣзжающимъ

приглашеннымъ, что мужа ея нѣтъ дома, что она сама нездорова и принять никого не можетъ. Это ей часто сходило съ рукъ; но иногда прорывались и случаи, гдѣ она должна была по неволѣ быть хозяйкою, приготовлять и предлагать угощеніе.

Разъ, въ одно прекрасное лѣто, когда Максимовъ съ женою жилъ на дачѣ на Каменномъ острову, онъ объявляетъ женѣ, что завтра день его рожденія и что онъ пригласилъ близкихъ знакомыхъ, которые будутъ навѣрное, и чтобы она, во что̀ бы ни стало, приготовила приличное угощеніе, на какой предметъ и передалъ ей деньги. Завтрашній день настаетъ, и къ 2-мъ часамъ начали подъѣзжать экипажи съ близкими Максимову лицами, въ числѣ которыхъ было два-три актера, я и одинъ изъ тогдашнихъ представителей Петербургской золотой молодежи, нѣкій г. Карташевскій, женатый впослѣдствіи на сестрѣ знаменитой артистки Асенковой.

Когда всѣ усѣлись вокругъ стола, послѣ необходимой выпивки и соленой закуски, подана была кулебяка; она уже однимъ своимъ видомъ раздражала до крайности апетитъ, и всѣ начали брать по куску. Кулебяка была прекрасная, и каждый гость получилъ по изрядной порціи. Но едва только послѣдній изъ гостей положилъ на тарелку кусокъ, а первые принялись за ѣду, какъ въ комнатѣ раздался страшный крикъ, и мы увидѣли, что Карташевскій, запустивъ себѣ пальцы въ ротъ, силится что-то извлечь изъ него. Онъ вынулъ большую иголку, которую чуть было не проглотилъ съ кускомъ пирога.

Можно себѣ представить испугъ всѣхъ присутствующихъ, въ особенности Карташевскаго и хозяина. Только одна хозяйка осталась какъ бы покойною. Она поспѣшила успокоить компанію и сказала своимъ пѣвучимъ и сладенькимъ голосомъ: Напрасно вы, господа, безпокоитесь. Я это нарочно такъ сдѣлала. Я велѣла положить иголку въ начинку, чтобы узнать, кому она на счастье достанется.

Хроника того времени утверждаетъ, что число гостей у актера Максимова съ того времени значительно поубавилось.

V. Актеръ Мартыновъ.

Знаменитый комикъ Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ обязанъ былъ исключительно самъ себѣ развитіемъ своего таланта и воспитаніемъ. Исключенный изъ С.-Петербургской театральной школы за неспособность, онъ переведенъ былъ въ балетъ и только случайно, играя на какомъ-то школьномъ спектаклѣ, былъ замѣченъ начальствомъ и переведенъ на Александринскую сцену.

Нужно было видѣть хоть разъ Мартынова, человѣка довольно застѣнчиваго и серьезнаго, но на сценѣ удивительно увлекающагося, чтобы никогда не забыть впечатлѣнія его игры. Комизмъ его былъ не изъ тѣхъ веселыхъ Итальянскихъ комизмовъ, представителемъ которыхъ былъ въ тоже время Живокини въ Москвѣ; но комизмъ натуральный, невольный,

при которомъ онъ самъ оставался серьезнымъ, а всѣ слушатели не могли удерживаться отъ смѣха.

Во всей фигурѣ и натурѣ Мартынова было что-то удивительно добродушное и сердечное. Онъ не старался производить впечатлѣніе, не подчеркивалъ никакихъ словъ; но геніальный талантъ билъ изъ него ключемъ при каждомъ движеніи, жестѣ, взглядѣ, словомъ какъ бы помимо его желанія, и тогда-то онъ былъ истинно великъ на своемъ мѣстѣ, недосягаемъ и геніаленъ. Всѣ иностранцы и даже артисты превосходной тогда труппы Михаиловскаго театра не пропускали почти ни одного представленія, въ которомъ игралъ Мартыновъ и, не зная по-русски, восхищались его игрою не менѣе Русскихъ.

Вотъ одинъ изъ обращиковъ удивительнаго его природнаго генія. Случилось это при мнѣ.

На Александринской сценѣ режиссеромъ былъ тогда Н. И. Куликовъ, человѣкъ умный, но желчный и злющій, умѣвшій однако держать въ рукахъ тогдашнюю славную труппу, составъ которой уже болѣе вѣроятно не повторится: семейства Каратыгиныхъ, Самойловыхъ, Дюровыхъ, Сосницкихъ Асенковыхъ, Мартыновыхъ родятся вѣками. И вотъ этому Куликову за 15-ти-лѣтнюю его службу назначенъ былъ бенефисъ. Давали драму („Театральный Музыкантъ и Княгиня“, Ефимовича), комедію графа Соллогуба и два водевиля: одинъ моего перевода „Женатые Повѣсы“, а другой нѣкоего Акселя „Черный День на Черной Рѣчкѣ“.

Роли Мартынова ни въ одной изъ этихъ пьесъ не было. Но какъ же дать бенефисъ, да еще режиссеру, безъ артиста талантливѣйшаго изъ труппы? Вотъ выбираетъ онъ въ водевилѣ маленькую роль, всего въ полстраницы, и посылаетъ къ Мартынову. Посмотрѣвъ на листокъ, Мартыновъ отказался отъ роли и велѣлъ передать, что въ выходной роли, хотя бы и для режиссера, играть онъ не станетъ. Упрямый Куликовъ возвратилъ ему роль, приказавъ передать, что по контракту онъ обязанъ играть всѣ подходящія ему роли подъ страхомъ оштрафованія и даже уничтоженія контракта. Мартыновъ оставилъ у себя роль, но ни на одну изъ репетицій не пріѣзжалъ.

Между тѣмъ представленіе назначалось уже на завтра, и по театру стало извѣстно, что на бенефисѣ Куликова будетъ самъ Государь Николай Павловичъ, который особенно любилъ и интересовался игрою Мартынова. Шутить было нечего. Мартыновъ игралъ только еще наканунѣ; слѣдовательно болѣзнью отговориться было неловко, и вотъ отчасти вслѣдствіе этого соображенія, отчасти по настоянію всѣхъ товарищей, онъ пріѣхалъ въ театръ предъ самымъ спектаклемъ, не читавъ почти своей роли, а что главнѣе всего, не бывши на репетиціяхъ, не зная ни репликъ, ни даже сюжета пьесы.

Роль его состояла въ томъ, что, будучи начальникомъ какого-то отдѣленія, онъ склоняетъ своего подчиненнаго, молодаго человѣка, къ женитьбѣ на его дочери, которая въ него влюблена. Положеніе очевидно натяну-

тое, неестественное, и роль должна быть названа не иначе какъ неблагодарною.

Что же дѣлаетъ Мартыновъ? Онъ надѣваетъ халатъ, подвязываетъ на шею Анну и съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ призываетъ къ себѣ чиновника. Не зная своей даже и маленькой роли, онъ по неволѣ долженъ былъ не только всякую минуту обращаться къ суфлеру, но даже смотрѣть на него. При каждомъ словѣ онъ пыхтѣлъ трубкой, говоря какъ бы для самого себя, и слова его разговора были приблизительно слѣдующія:

„Я вамъ долженъ сказать... Пф.! пф!.. что я вамъ могу насолить... Пф.! Пф!... самымъ... образомъ... Пф.! Пф.!“ и все въ такомъ родѣ.

И что же? Вышелъ такой превосходный типъ департаменскаго чиновника, что Императоръ, оставаясь всегда до конца спектакля, призвалъ Мартынова въ свою ложу, любезно благодарилъ его за игру; а пьеса, при всей своей безсодержательности, имѣла громадный успѣхъ и никогда не снималась съ репертуара до самой кончины великаго комика.

VI. Императоръ Николай Павловичъ.

Въ 1846 году, по просьбѣ покойной артистки Елены Ивановны Дюръ, будучи еще только-что выпущеннымъ офицерикомъ инженерныхъ классовъ Института Путей Сообщенія, я перевелъ для ея бенефиса имѣвшую тогда большой успѣхъ на Михайловской сценѣ двухъ-актную комедію „Le mari qui se dérange“, которая и шла въ первый разъ на Александринской сценѣ (17 Октября 1846 г.) подъ названіемъ „Маскерадъ въ оперномъ театрѣ или Проказы Женатаго“.

Все тогда интересовало конечно 18-ти лѣтняго мальчика, только-что надѣвшаго серебряныя эполеты, и не удивительно, что я не пропускалъ ни одной репетиціи „моей піесы“; а въ минуту спектакля былъ ни живъ ни мертвъ, какъ будто это было въ самомъ дѣлѣ мое сочиненіе, а не переводъ, за который я не могъ отвѣчать ни по формѣ, ни по содержанію. Задолго до поднятія занавѣса стоялъ уже я за кулисами, любезно ободряемый актерами и актрисами, съ которыми успѣлъ познакомиться, а съ нѣкоторыми даже сойтись. Ихъ забавлялъ молодой офицерикъ тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ театральныхъ писателей того времени въ военной формѣ былъ только артилерійскій офицеръ Ефимовичъ (авторъ піесъ: „Владиміръ Заревскій, Дугласъ Черной“ и пр.) и я. Я былъ застѣнчивъ, однако на языкъ боекъ, и всякій артистъ, даже такой премьеръ какъ В. А. Каратыгинъ, находилъ случай, чтобы сказать мнѣ доброе слово и поощрить на писанія; потому что по тогдашнимъ порядкамъ еженедѣльные бенефисы требовали громаднаго числа новыхъ піесъ, въ особенности водевилей, которые въ то время весьма были любимы публикой, а потому и преимущественно давались.

Едва только стали поднимать занавѣсъ, какъ совершенно неожиданно въ боковую царскую ложу взошелъ императоръ Николай Павловичъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и двумя какими-то генералами.

Императоръ Николай I-й былъ тонкій любитель и цѣнитель искусства. Онъ не пропускалъ почти ни одного бенефиса; самъ распрашивалъ и поощрялъ всѣхъ артистовъ въ исполненіи ролей. Особенно благоволилъ онъ къ семейству Самойловыхъ и болѣе всего къ младшей представительницѣ этого дома, артисткѣ Вѣрѣ Васильевнѣ Самойловой. А потому, хотя къ посѣщенію театра Государемъ уже привыкли, но нельзя не сознаться, что всякій пріѣздъ его производилъ нѣкоторый переполохъ и сенсацію.

Весь спектакль состоялъ изъ трехъ водевилей и двухъ-актной (моей) комедіи, которая шла первою. Она имѣла успѣхъ и давалась впослѣдствіи многократно; да и не мудрено, потому что въ ней участвовали всѣ лучшія силы труппы: Самойлова, Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ и проч.

По окончаніи втораго акта, Государь по обыкновенію пошелъ на сцену. Сорокъ два года прошло послѣ этого, и я до сихъ поръ не могу понять и объяснить для себя, почему и какъ я остался на сценѣ и не спрятался отъ магнетическихъ взоровъ Государя, котораго конечно я, какъ и всѣ, страшился и трепеталъ.

Орлиный взоръ Николая сразу замѣтилъ субъекта и, указывая на меня, онъ сказалъ сопровождавшимъ его директору театра (А. М. Гедеонову) и режиссеру (Н. И. Куликову):

— „Форма очень сходна съ дѣйствительной; нужно перемѣнить... Она совсѣмъ настоящая“.

— Да она и есть настоящая, осмѣлился доложить Государю директоръ. Это офицеръ Андреевъ, переводчикъ только-что видѣнной Вашимъ Величествомъ піесы.

„Благодарю“, сказалъ Государь и подошелъ къ переодѣвшейся уже В. В. Самойловой.

Не знаю, какъ я выкатился изъ театра; а на другой день, по обычаю того времени, долженъ былъ передать по начальству отъ инспектора классовъ (Коковцева), директора (Энгельгарда) до министра включительно (графа П. А. Клейнмихеля) всю процедуру моего свиданія съ Государемъ.

VII. Н. Ф. Павловъ и Н. М. Пановскій.

Былъ у меня одинъ пріятель, извѣстный въ Москвѣ литераторъ, Н. М. Пановскій (онъ и умеръ у меня въ домѣ, и я его хоронилъ), человѣкъ необыкновенно образованный, а главное остроумный. Онъ самъ про эту способность говорилъ, что „очень пріятно быть остроумнымъ, потому что всегда найдешь случай сказать какую-нибудь глупость“.

Зная его недостаточное состояніе, у него спрашивали: чѣмъонъ живетъ? Онъ отвѣчалъ откровенно, что получаетъ ровно полторы тысячи чистаго годоваго дохода.

— Откуда это?

— Рублей пятьсотъ заработаю литературою, а тысячу займу.

— Ну это не всегда безопасно. Пожалуй кто-нибудь да потребуетъ своихъ денегъ. Да и какъ вы можете послѣ этого спать спокойно?

— А мнѣ-то что? Пускай тѣ безпокоятся и не спятъ.

— Ну однако этимъ шутить нечего. На васъ могутъ въ одинъ прекрасный день подать ко взысканію и описать ваше имущество.

— Очень былъ бы этому радъ; можетъ быть, при описи что-нибудь и нашли бы; я же давно не знаю никакой своей собственности.

Поди же, сговорись съ такимъ человѣкомъ! Тѣмъ не менѣе Пановскаго всѣ любили за его умъ, острословіе, веселый характеръ, а главнѣе всего за умѣнье хорошо кушать и быть въ этомъ случаѣ незамѣнимымъ застольнымъ товарищемъ.

Онъ говорилъ часто экспромпты, писалъ очень недурные стихи и участвовалъ во многихъ Петербургскихъ и Московскихъ журналахъ. Всѣ его остроты, статьи и экспромпты принимались вездѣ съ величайшей охотой.

Вотъ надпись къ портрету одного умершаго уже сановника, имѣвшаго очень гордую мину:

«Я много лѣтъ на службѣ царской,
Но въ славныхъ подвигахъ невиненъ.
Пусть будетъ, хочетъ кто, Пожарскій:
Я—Мининъ".

Изъ одного богатаго риѳмами его стихотворенія помню слѣдующее:

Придя Марина Мнишекъ съ пиру,
Сказала мужу эту рѣчь:
Ты подражать не мни Шекспиру
И нашу Русь ты не туречь.

Николай Филипповичъ Павловъ, извѣстный беллетристъ и литераторъ, родившійся чуть ли не крѣпостнымъ, попавшій случайно въ театральную школу, гдѣ танцовалъ въ балетахъ, но силою только своего творческаго таланта сдѣлался извѣстнымъ писателемъ, авторомъ „Трехъ Повѣстей", разошедшихся на всю Россію и какъ бы предвѣстникомъ цѣлой плеяды романовъ и повѣстей. Князь П. А. Вяземскій, Гоголь, Писемскій, Гончаровъ, и др. уважали Н. Ф. Павлова. Въ 1860 г. онъ основалъ газету „Наше Время", въ которой пригласилъ и меня быть сотрудникомъ. Я съ нимъ очень часто видѣлся: то я пріѣзжалъ къ нему по утрамъ въ редакціонное время, то вечеркомъ онъ заѣзжалъ ко мнѣ и засиживался до глубокой ночи. Въ это время я жилъ довольно открыто; ко мнѣ соби-

рались Московскіе литераторы и художники, и всякій пріѣзжій изъ Петербурга, чѣмъ-нибудь замѣчательный талантъ, находилъ необходимымъ побывать у меня.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, за ужиномъ, Н. М. Пановскій счелъ обязанностію овладѣть общимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ безъ роздышки и умолку, и нужно правду сказать, не всегда послѣдовательно и исторически вѣрно, причемъ доставалось иногда и присутствующимъ. Разговоръ этотъ надоѣлъ Н. Ф. Павлову, и онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ черезъ весь столъ:

— Вы извините, любезный хозяинъ, что Николай Михайловичъ Пановскій такъ сегодня увлекся. Ему уже измѣняетъ и память. Онъ такъ старъ, что, не правда ли, ему все прощается?

— Ну еще старъ, да не очень, возразилъ Пановскій (который при своихъ достоинствахъ имѣлъ страшный порокъ молодиться).

— А вотъ какъ старъ, продолжаетъ Павловъ, какъ бы не обращая вниманія на предыдущую реплику. Вы конечно, господа, знаете извѣстное историческое событіе, которое произвело въ свое время сенсацію. Это убійство Каиномъ Авеля. Ну конечно урядникъ, протоколъ и т. д. При подписаніи этого протокола Н. М. Пановскій былъ понятымъ....

— А вы до сихъ поръ остаетесь непонятымъ, Николай Филипповичъ, отвѣчалъ Пановскій и выпилъ стаканъ вина, какъ ни въ чемъ не бывало.

VIII. Ренанъ.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Италію, я, по обычаю, посѣтилъ въ Римѣ базилику Св. Климента, самую древнюю тамошнюю церковь, полувросшую въ землю, съ подземными корридорами и катакомбами, куда впускаютъ не иначе какъ въ сопровожденіи монаха и при свѣтѣ факеловъ. Взойдя въ древнюю и обширную церковь, я нашелъ ее совершенно пустою; только на одной изъ скамеекъ сидѣлъ какой-то небольшаго роста старикъ съ длинными волосами и носомъ. Одежда его была на половину свѣтская, на половину какъ бы духовная. На плечахъ длинный темнаго цвѣта плащъ. Видя мое недоумѣніе относительно провожатаго, незнакомецъ сказалъ мнѣ, что теперь всѣ монахи обѣдаютъ и что такъ какъ онъ уже порядочно давно дожидается, то слѣдовательно трапеза ихъ кончится вѣроятно скоро.

Но не такъ легко я поддался этому утѣшенію. Въ путешествіи всякая минута болѣе или менѣе дорога. Я пошелъ къ замкнутой двери и силь-

но позвонилъ очереднаго монаха, зная, что у меня въ карманѣ были деньги, то есть такіе ключи, которые отворяютъ, особливо въ Италіи, рѣшительно всѣ двери и замки.

И дѣйствительно, немедленно показался монахъ и съ пренизкимъ поклономъ, зажигая свой факелъ, пригласилъ меня за нимъ слѣдовать.

Сидѣвшій на лавкѣ старичекъ попросилъ у меня позволенія идти со мною, на что конечно я согласился охотно, и мы вмѣстѣ очень подробно осмотрѣли подземную старинную церковь, построенную еще въ IV вѣкѣ, на развалинахъ языческаго храма Митры, этого кровожаднаго бога, которому еще въ III вѣкѣ по Р. Х. приносились здѣсь человѣческія жертвы. Въ этотъ же храмъ въ IX столѣтіи перенесли съ нашего далекаго Востока мощи Св. Климента, папы Римскаго, наши Славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій. На стѣнахъ средней подземной базилики находятся фрески съ изображеніемъ этого перенесенія мощей и лики переносившихъ святыхъ.

Распростившись по выходѣ изъ базилики съ старичкомъ, я началъ уже одинъ продолжать намѣченную мною на тотъ день экскурсію.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней посѣтилъ я вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ профессоромъ Риццони (Русскимъ художникомъ, проживающимъ теперь въ Римѣ) Ватиканскій Музей, драгоцѣннѣйшее собраніе античныхъ бюстовъ и статуй. Въ одномъ изъ громадныхъ и великолѣпныхъ залъ этого музея я замѣтилъ опять моего знакомаго старичка, который, тоже меня замѣтивъ, поспѣшилъ подойти ко мнѣ и освѣдомиться о моемъ здоровьи и объ экскурсіяхъ, которыя я дѣлалъ въ промежутокъ времени между нашими свиданіями. Когда старичекъ отошелъ, Риццони съ удивленіемъ спросилъ у меня, какъ и гдѣ я познакомился съ Ренаномъ, съ которымъ при этомъ обошелся не очень-то ласково.

— Съ какимъ Ренаномъ? Я Ренана не знаю, отвѣчалъ я.

— Да вотъ этотъ самый господинъ, который сейчасъ отошелъ отъ васъ, и есть знаменитый философъ, мыслитель, бичъ католичества и пр., академикъ и профессоръ.

Нечего и говорить, что я сейчасъ же поспѣшилъ загладить свою ошибку и, легко догнавъ обходящаго залъ Ренана, вручилъ ему свою карточку и сказалъ, что я изъ Россіи, что читалъ его удивительныя произведенія и весьма счастливъ, что судьба дала мнѣ случай лично познакомиться съ знаменитымъ ученымъ.

Ренанъ очень былъ доволенъ моими словами, хотя дѣлалъ видъ, что этого не заслуживаетъ, и приглашалъ меня и моего спутника продолжать экскурсію вмѣстѣ по заламъ. Тутъ мнѣ оставалось только удивляться громадной начитанности и художественной эрудиціи человѣка, который повидимому къ этому не готовился. Переходя отъ статуи къ статуѣ, онъ цитировалъ наизустъ цѣлыя строфы изъ Винкельмана, Нибба, Бунзена, Платнера, Грегоровіуса или Гельбиха; ни одно изъ замѣчаній этихъ ученыхъ не ускользало отъ его пытливаго ума.

Но не этимъ поразилъ меня тогда Ренанъ. Чужія замѣчанія и мысли не особенно шли къ его пылкой натурѣ, какъ бы скованной на этотъ разъ постороннимъ авторитетомъ. Ренанъ великъ и хорошъ былъ тогда, когда онъ высказывалъ личный свой взглядъ на то или другое произведеніе античнаго міра. Тогда онъ весь какъ будто преображался, даже ростомъ, казалось, становился выше; глаза его начали блистать и метать молніи, жесты принимали величественность: то былъ истинный учитель, которому оставалось только вѣрить и передъ нимъ преклоняться.

Особенно поразила меня теорія объ Олимпійскомъ величіи и спокойствіи, изображенныхъ въ статуяхъ античныхъ боговъ. Зевесъ мечетъ молніи, жена его ревнуетъ его, и не безъ основанія. Діана преслѣдуетъ лань на охотѣ. Аполлонъ только что выпустилъ стрѣлу въ дѣтей Ниобеи; сама Ниобея изнываетъ отъ муки, видя поверженное въ прахъ все нѣжно любимое ею семейство. Но они всѣ спокойны, потому что дѣлаютъ свое дѣло, и никакое человѣческое чувство страсти или горячности не можетъ омрачить небожителей.

Сколько замѣчено было мною въ этой прогулкѣ съ Ренаномъ вещей первой важности, которыя невольно ускользали отъ моихъ глазъ во время предыдущихъ моихъ осмотровъ.

То знаменитая статуя въ родѣ Аполлона Бельведерскаго развѣнчивалась и съ доказательствами изъ оригинала превращалась въ копію; то реставрація Лаокоона произведена неправильно, и собранные при раскопкахъ куски не всѣ попали на соотвѣтственныя имъ мѣста. Торсъ Бельведерскій, лишенный, какъ извѣстно, головы, рукъ и ногъ, тѣмъ не менѣе представляющій одно изъ удивительныхъ произведеній Греческаго ваянія, оживаетъ весь подъ словомъ ученаго и является какъ бы живымъ Геркулесомъ, только что отбросившимъ послѣ подвиговъ свою палицу.

Много, очень много можно было наслушаться у Ренана; но въ особенности поразилъ меня его разсказъ о культѣ красотѣ женщинъ по понятіямъ Грековъ и тѣхъ стадіяхъ, которыя должна была пережить скульптура, чтобы дойти до послѣдняго своего слова: Венеры Книдской Праксителя (увы,

существующей теперь только въ копіи да еще на нѣсколькихъ Книдскихъ монетахъ). Еслибы стенографировать и записывать все что̀ говорилъ намъ въ это утро Ренанъ, то можно было бы написать цѣлые томы. Мы пространствовали въ Ватиканѣ до 6 часовъ вечера (время закрытія галереи) и отправились съ Рицціони обѣдать въ скромный ресторанчикъ Фальконе, долго еще находясь подъ обаяніемъ чудной лекціи, которую только и можно слышать отъ такого учителя, какъ Ренанъ и которую до сего времени невозможно забыть.

IX. Графъ С. Г. Строгановъ и профессоръ Ваагенъ.

Строгановская картинная галлерея въ С.-Петербургѣ (у Полицейскаго моста) есть не только лучшее частное собраніе въ Россіи, но безспорно одно изъ лучшихъ въ цѣлой Европѣ, составленное въ блестящій вѣкъ Екатерины Великой знаменитымъ ревнителемъ наукъ и искусствъ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, для чего не всегда нужны только деньги, но и тонкій вкусъ, а главнѣе всего случай, въ особенности при революціяхъ и истощительныхъ войнахъ, разоряющихъ богачей и заставляющихъ переходить художественныя сокровища изъ однихъ рукъ въ другія. При такихъ именно благопріятныхъ условіяхъ создалась эта единственная въ своемъ родѣ галлерея, въ послѣдствіи значительно пріумноженная наслѣдниками, а въ особенности недавно скончавшимся тонкимъ знатокомъ изящныхъ искусствъ, графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ.

Перломъ этой коллекціи всегда считалась и считается знаменитая „Венера выходящая изъ воды“, справедливо приписываемая кисти божественнаго Рафаэля и гравированная еще при жизни художника подъ этимъ именемъ, знаменитымъ тогда граверомъ Маркомъ Анатоніемъ Раймонди.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Петербургъ я посѣтилъ Строгановскую галлерею и былъ такъ счастливъ, что засталъ самого хозяина, который очень привѣтливо вызвался быть моимъ чичероне.

Нечего конечно и говорить, что, при входѣ въ галерею, первымъ дѣломъ моимъ было пойти къ знаменитой Венерѣ, издавна еще прозванной по необыкновенно лучезарно-голубоватому колориту „серебряною“.

Но каково же было мое изумленіе, когда, разглядывая эту картину, я уже не нашелъ на ней прежней дощечки съ надписью имени Рафаэля; а мѣсто этой дощечки оказалось пустымъ.

Графъ скоро замѣтилъ мое смущеніе и на разспросы о причинѣ такой перемѣны, отвѣчалъ мнѣ, что на дняхъ былъ въ его галереѣ профессоръ Ваагенъ, знаменитый знатокъ въ искусствѣ и, по внимательномъ разсмотрѣніи картины, пришелъ къ убѣжденію, что это вовсе не работа Рафаэля, а одного изъ его послѣдователей, второстепеннаго Итальянскаго живописца Бальтрафіо. Не желая послѣ этого вводить публику въ соблазнъ и вполнѣ полагаясь на авторитетъ Ваагена, графъ принужденъ былъ снять дощечку съ именемъ Рафаэля, но не рѣшился еще окрестить свою „Серебряную Венеру“ именемъ другаго указаннаго ему мастера.

— Но какъ же вы такъ легко повѣрили приговору Ваагена? сказалъ я съ энтузіазмомъ истиннаго любителя.

— Вся Европа ему вѣритъ, отвѣчалъ графъ; посмотрите, сколько онъ сорвалъ ярлыковъ у насъ въ Эрмитажѣ.

— Пускай всѣ вѣрятъ, а я никогда не повѣрю, отвѣчалъ я громко, возвышая голосъ.

Тогда графъ медленно приподнялся съ кресла, на которомъ сидѣлъ и, взявъ меня за пуговицу вицъ-мундира, произнесъ съ видимымъ удареніемъ:

— Вы сказали такое слово, на которое конечно имѣете доказательства, и я васъ прошу познакомить меня съ ними.

— Очень хорошо, отвѣчалъ я. Доказательства мои состоятъ въ слѣдующемъ. Ваагенъ, какъ и вамъ извѣстно, состоитъ директоромъ Берлинскаго Королевскаго Музея; онъ составитель ученаго его каталога. Музей, конечно не виноватъ, что, будучи самымъ младшимъ (по годамъ его основанія) въ Европѣ, могъ пріобрѣтать только то, что̀ осталось отъ всѣхъ другихъ знаменитыхъ галерей и музеевъ Европы, и потому, какъ извѣстно, занимаетъ между ними едвали не послѣднее мѣсто. По каталогу же, составленному г. Ваагеномъ, онъ едва ли сдѣлался не первымъ въ Европѣ. Въ немъ, по этому каталогу, находится 7 Рафаэлей, 14 Рубенсовъ, Тиціановъ, Веласкесовъ и т. д.

— Позвольте, перебилъ меня графъ, выпуская между прочимъ изъ рукъ мою пуговицу. На этотъ счетъ и у меня возникло сомнѣніе, и я намекнулъ Ваагену по этому поводу; но онъ мнѣ категорически отвѣчалъ, что, будучи Нѣмцемъ, изъ патріотизма онъ, какъ хранитель музея, не могъ поступить иначе, какъ назвавъ картины тѣмъ именемъ, подъ которымъ онѣ были пріобрѣтаемы королемъ и его предшественниками; но что онъ составляетъ и составилъ уже каталогъ съ настоящимъ означеніемъ

всѣхъ предметовъ Музея, который по его завѣщанію долженъ быть напечатанъ послѣ его смерти.

— Кто же изъ насъ послѣ этого правъ, ваше сіятельство? возразилъ я графу Строганову. Въ одномъ мѣстѣ Ваагенъ позволяетъ себѣ лгать изъ патріотизма, въ другомъ изъ-за сытнаго обѣда, далѣе солжетъ изъ тщеславія, чтобъ показать свои знанія, изъ дружбы, и т. д. Да развѣ это чистое отношеніе въ дѣлѣ искусства? Иной, опираясь, какъ вы говорите, на авторитетъ Ваагена, съ его каталогомъ въ рукѣ, примется изучать мастеровъ въ Берлинскомъ Музеѣ и до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ безсмыслицы долженъ по неволѣ дойти въ своихъ заключеніяхъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, Ваагенъ, можетъ быть, знаетъ Нѣмецкую и старо-Нѣмецкую школу, изученію которыхъ онъ посвятилъ много лѣтъ; но чтобы признать его всемірнымъ знатокомъ и цѣнителемъ, я съ этимъ никогда согласенъ не буду.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ послѣ этихъ словъ нѣсколько задумался и, прощаясь со мною, пригласилъ на завтра къ обѣду. Но ни о Ваагенѣ, ни о Венерѣ разсужденій у меня съ нимъ болѣе уже не было.

ДАВНІЯ ВСТРѢЧИ.

Изъ воспоминаній А. Н. Андреева*).

X. Кронъ-принцъ Рудольфъ и министръ.

Въ 1884 году посланъ я былъ Московскимъ Обществомъ Любителей Птицеводства въ Вѣну делегатомъ на международный Орнитологическій Конгрессъ и состоявшую при немъ Всемірную выставку птицеводства.

Пріѣхавъ въ Вѣну и заявивъ въ комитетъ выставки о своемъ пріѣздѣ, я сталъ получать многочисленные визиты отъ членовъ конгресса, между которыми были и два Русскихъ делегата: академикъ Шренкъ изъ Петербурга и знаменитый орнитологъ докторъ Радде съ Кавказа; былъ еще нѣкто д-ръ Вольдемаръ Криворотовъ изъ Гернальса (по фамиліи Русскій); но я его не видалъ.

Выставка, открывшаяся еще до моего пріѣзда (въ началѣ Апрѣля мѣсяца) помѣщалась въ великолѣпномъ зданіи дома Любителей Садоводства (Garten-Bau-Gesellchafft), въ самомъ центрѣ города (Opern-Ring), на одной изъ лучшихъ улицъ цѣлаго свѣта—Ring-Strasse. Необыкновенно счастливое сочетаніе оранжерей, цвѣтовъ и кустарниковъ съ экзотическими экземплярами пернатыхъ животныхъ и ихъ чучелами, привезенными со всѣхъ концовъ свѣта, и необыкновенно-картинная сгруппировка дѣлали обозрѣніе выставки до того привлекательнымъ и вмѣстѣ поучительнымъ, что невозможно было, живя въ Вѣнѣ, удержаться, чтобы ежедневно хотя на нѣсколько часовъ не заѣхать на выставку.

Засѣданія Орнитологическаго Конгресса происходили въ другомъ зданіи Вѣнскаго Художественнаго Феррейна, находящагося тутъ же на Рингѣ по близости.

Почетнымъ президентомъ и покровителемъ конгресса и выставки былъ кронъ-принцъ (наслѣдникъ престола) эрцгерцогъ *Рудольфъ*, такъ недавно и несчастливо окончившій свою жизнь, а почетнымъ предсѣдателемъ за-

*) См. первыя девять очерковъ въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года, I, 536.

сѣданій маркизъ и графъ *Де-Бельгардъ*. Секретаремъ конгресса и предсѣдателемъ одной изъ фракцій состоялъ д-ръ Гайекъ; онъ же главный распорядитель и душа всего предпріятія.

7-го Апрѣля н. ст. было торжественное открытіе конгресса подъ предсѣдательствомъ самого наслѣднаго принца, при чемъ и случился тотъ эпизодъ, который собственно я хочу разсказать.

Принцъ пріѣхалъ довольно рано и по мѣрѣ того, какъ собирались всѣ члены, графъ Де-Бельгардъ представлялъ ихъ ему и знакомилъ ихъ съ почетнымъ ихъ предсѣдателемъ.

Кронпринцъ каждаго встрѣчалъ очень любезно, каждому находилъ что нибудь сказать. Когда очередь дошла до меня, и онъ узналъ, что я изъ Москвы, онъ протянулъ мнѣ руку и, чтобы сказать что-нибудь, спросилъ почти скороговоркой: „А далеко отсюда Москва?“ — Очень далеко, отвѣчалъ я ему.—„Очень радъ“, отвѣчалъ онъ (конечно тому, что со мной познакомился, такъ какъ и со всѣми другими), и отошелъ къ слѣдующему гостю. Но это „очень радъ“ могло быть перетолковано иначе и тогда принимало совсѣмъ другой смыслъ.

Позади кронъ-принца шелъ Австрійскій министръ торговли, фамилію котораго я теперь позабылъ. Это былъ совершенно опереточный генералъ въ родѣ Швейцарскаго адмирала изъ „Парижской Жизни“. Высокій, худой, неподвижный, онъ смотрѣлъ черезъ головы всѣхъ, по видимому не обращая ни на кого вниманія. Однако, замѣтивъ какого-то стоявшаго подлѣ меня Нѣмца, тоже члена конгресса, который ему низко кланялся, онъ удостоилъ его вниманіемъ и произнесъ сквозь зубы что-то въ родѣ: „Я васъ, кажется, гдѣ-то видѣлъ?“

— Нѣтъ, я не имѣлъ этой чести, отвѣчалъ ему вкрадчиво Нѣмецъ. Тогда министръ произнесъ уже довольно громко: „Все равно! Все равно!“ и пошелъ далѣе.

Эти „очень радъ“ и „все равно“ развеселили меня на цѣлый день.

Едва только „высокій протекторъ птичьяго міра“ (такъ называлъ принца Рудольфа маркизъ Де-Бельгардъ) произнесъ свою довольно монотонную рѣчь, какъ общество раздѣлилось на двѣ главныя группы, согласно главной цѣли Конгресса: 1) о международномъ покровительствѣ птицамъ и 2) о развитіи вообще птицеводства.

Профессоръ *Альтумъ* изъ Нейштета (въ Пруссіи) въ родѣ увертюры прочелъ громадный рефератъ „о значеніи свободной птицы въ свободѣ природы“; и наше собраніе закончилось приглашеніемъ отъ города Вѣны

на банкетъ, въ громадной залѣ гостиницы Goldener Lamm (въ Леопольдъ-Штрассе), который и собрался на другой день 8 Апрѣля въ 7 ч. вечера.

По окончаніи съѣзда, эрцгерцогъ Рудольфъ давалъ и отъ себя въ королевскомъ дворцѣ прощальный обѣдъ; но я на немъ не присутствовалъ, потому что за нѣсколько дней до того уѣхалъ въ Миланъ, куда меня привлекали дѣла, а главнѣе всего надоѣла Вѣна, въ которой въ этотъ пріѣздъ я прожилъ болѣе двухъ недѣль.

Предъ отъѣздомъ мы сняли у придворнаго фотографа общую группу вмѣстѣ съ кронъ-принцемъ, который просилъ навѣщать его, когда попадемъ въ Вѣну. Но увы, этому не суждено уже было случиться.

XI. Лордъ Брунъ.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Испанію былъ я въ Гренадѣ, этомъ истинно-райскомъ уголкѣ Европы. Въ Альгамбрѣ, на такъ называемомъ „Львиномъ дворѣ“ (получившимъ названіе отъ фонтана, чаша котораго покоится на спинахъ восьми колоссальныхъ мраморныхъ львовъ), однажды я присѣлъ отдохнуть на скамейку и увидѣлъ возлѣ себя задумчиво сидѣвшаго господина, который немедленно обратилъ на себя мое вниманіе.

Высокій, со впалой грудью, испитымъ лицомъ, обрамленнымъ желтыми бакенбардами, въ клѣтчатомъ рединготѣ и такихъ же панталонахъ и шапкѣ, онъ казался мнѣ самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, вопреки вѣсьма изысканному и изящному его костюму. Въ лицѣ его было столько горя, уныніи и грусти, что я не могъ пройти мимо его равнодушно; а когда замѣтилъ, что наемный провожатый мой почтительно поклонился ему, то не могъ удержаться, чтобы не спросить: кто это такой?

— Это лордъ Брунъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Англіи и цѣлой Европы, владѣлецъ знаменитаго Женералифа, нѣкогда загороднаго дворца женъ Гренадскихъ калифовъ: калифы сами жили въ Альгамбрѣ, а туда переѣзжали только на дачу, украсить которую старался на перерывъ каждый ея владѣтель.

И въ самомъ дѣлѣ, тропическая растительность Испаніи нигдѣ не развернулась въ такой красотѣ и могуществѣ, какъ въ этомъ Женералифѣ. Происходитъ это оттого, что, при жгучей температурѣ, нигдѣ, быть можетъ, нѣтъ столько воды, брызжущей повсюду изъ каждаго уголка фонтанами и каскадами, какъ въ этомъ, единственномъ въ своемъ родѣ Эдемѣ, не только для правовѣрныхъ, но и для каждаго смертнаго.

Что же изъ этого, что вода эта проведена болѣе чѣмъ за 60 верстъ изъ отроговъ Сіерры-Морены, что для построенія волшебнаго замка сгонялись тысячи христіанъ и Евреевъ, которые тутъ же и умирали, что Мав-

ританская цивилизація собрала съ цѣлаго свѣта восточный хрусталь, мраморъ и колонны, дабы достойно украсить земной рай или гаремъ величайшаго изъ Арабскихъ калифовъ, и что эти-то всѣ сокровища съ ихъ прелестями и очарованіями принадлежатъ теперь сидѣвшему противъ меня лорду Бруну, который казался меньше всего способенъ не только ими пользоваться, но даже и оцѣнить ихъ?

— Но это не все, отвѣчалъ мнѣ мой путеводитель. У этого лорда Броуна или Вруна есть еще нѣсколько подобныхъ же дворцовъ и замковъ. Есть замокъ въ Шотландіи, вилла въ Италіи на берегу Средиземнаго моря близъ Генуи, замокъ и вилла на Луганскомъ озерѣ, дворецъ въ Бенаресѣ въ Западной Индіи, домъ и вилла въ Ньюіоркѣ и, кажется, еще въ Ріо-Жанейро.

— Что вы это мнѣ все говорите? перебилъ я своего чичироне, какъ бы боясь, чтобы онъ мнѣ не наговорилъ еще чего нибудь столько же неправдоподобнаго? Можетъ ли быть, чтобы одинъ человѣкъ имѣлъ столько дворцовъ и сокровищъ, разбросанныхъ по цѣлому свѣту, которые конечно стоятъ страшныхъ расходовъ и которыми, очень просто, онъ или пользоваться не можетъ или даже врядъ ли когда либо ихъ увидитъ?

— Если бы еще бѣда заключалась только въ этомъ, то еще можно бы было помириться; я же говорю вамъ, что лордъ Броунъ чрезвычайно богатъ. Но онъ Англичанинъ; а у Англичанъ что́ человѣкъ, то типъ, что́ типъ, то какое-нибудь чудачество. Одинъ умираетъ отъ сплина, потому что у него слишкомъ много денегъ; другой строитъ себѣ дворецъ съ колоннами подъ землей, потому что на землѣ слишкомъ много мошенниковъ; третій отправляется путешествовать на своей яхтѣ, пока яхта эта не разлетится, наткнувшись на какой-нибудь рифъ или подводный камень. И мало ли чего они еще дѣлаютъ? Вотъ лордъ Броунъ тоже чудакъ, но чудакъ уже совсѣмъ другаго пошиба. Я сказалъ вамъ, что у него есть семь разбросанныхъ по всему свѣту дворцовъ или замковъ. Въ каждомъ изъ этихъ дворцовъ или замковъ у него постоянно находится полный штатъ домовой и садовой прислуги, снабженной всѣми необходимыми принадлежностями не только для ея собственнаго обихода и жизни, но даже и для внезапнаго пріѣзда хозяина. Вотъ въ этомъ-то и состоитъ чудачество лорда Броуна. Въ каждомъ изъ этихъ дворцовъ, во всякое время года, въ извѣстный часъ дня, въ великолѣпной столовой комнатѣ, украшенной всевозможной роскошью, накрывается столъ на шесть приборовъ, на который офиціанты во фракахъ три раза въ день подаютъ ежедневно приготовляемый въ 10 ч. утра завтракъ, обѣдъ въ 5 ч. и ужинъ въ 10 ч. вечера. Когда же ни хозяинъ и никто изъ гостей не является въ столовую, то кушанья со стола убираютъ, и тоже самое повторяется завтра, послѣ завтра, недѣли, мѣсяцы, и такъ будетъ до безконечности или до смерти лорда. Когда лордъ Броунъ или пріятели его, кого судьба можетъ забросить

въ такую часть свѣта, гдѣ у него есть замокъ (а замки у него есть вездѣ), конечно снабженные его рекомендаціей, явятся въ извѣстный часъ неожиданно въ столовую комнату, то могутъ прямо садиться завтракать или обѣдать и быть совершенно увѣрены, что утолятъ самый прихотливый вкусъ и излишество.

Погулявъ по Альгамбрѣ и возвращаясь домой, я засталъ того же лорда Броуна и на той же скамейкѣ, сидѣвшаго въ той же меланхолической позѣ. Не безъ уваженія прошелъ я мимо этого чудака, умѣющаго такъ тонко и артистически проживать свои доходы, которымъ, при холостой жизни, а слѣдовательно и бездѣтности, не могъ онъ дать, по моему, болѣе пригоднаго употребленія.

*

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Генуѣ, я увидалъ на дебаркадерѣ желѣзной дороги все того же лорда Бруна. Онъ больше осунулся и былъ окруженъ множествомъ приспѣшниковъ и знакомыхъ. Обратившись къ кому-то съ вопросомъ, я услышалъ, что ему принадлежатъ громадныя земли съ виллами и садами, нынѣ вымершей, но нѣкогда знаменитой фамиліи маркиза Палавичини (по Итальянскому обычному праву, купивъ маркизатъ, Англійскій лордъ съ нимъ вмѣстѣ пріобрѣлъ всѣ права и титулы бывшаго владѣльца).

Въ вагонѣ желѣзной дороги я узналъ, что оригинальное чудачество полупомѣшаннаго Англичанина все еще продолжается и окончится развѣ только съ его смертію.

XII. Трагикъ Росси.

Лѣтъ 12 или 15 тому назадъ, въ первый разъ пріѣхалъ въ Москву (да кажется и въ Россію) знаменитый Итальянскій трагикъ Эрнестъ Росси. Имя его уже гремѣло тогда по цѣлой Европѣ. Это былъ дѣйствительно какой-то титанъ, не игравшій, но воплощавшій въ себѣ всѣ лучшіе типы и Шекспира, и другихъ драматурговъ цѣлаго міра. Теперь для нѣкоторыхъ изъ этихъ типовъ Росси уже нѣсколько потучнѣлъ, обрюзгъ, устарѣлъ; но тогда, въ самомъ разцвѣтѣ великаго своего таланта, онъ производилъ на сценѣ дѣйствительно чудеса. Никто, казалось, не могъ воплощаться и воплотить въ себѣ безсмертнѣе типы Отелло, Лира, Макбета, Юлія Цезаря, Гамлета, Людовика XI и цѣлой плеяды гигантскихъ личностей, которыя были всѣ ему по плечу. Въ безподобной игрѣ его они оживлялись, выростали и одухотворялись силою его творчества, ума и необыкновеннаго генія.

Нечего конечно и говорить, что успѣхъ Росси въ Москвѣ былъ громадный. Поѣхать на его представленіе въ театръ и достать мѣсто было

событіемъ жизни, и вся Москва праздновала праздникъ искусства, истинное торжество творческаго таланта.

Московская Консерваторія Музыкальнаго Общества и только что народившееся тогда Общество Русскихъ драматическихъ писателей и композиторовъ возъимѣли счастливую мысль отпраздновать пріѣздъ Росси обѣдомъ, который и состоялся въ гостиницѣ Эрмитажъ.

Стоявшіе во главѣ этихъ Обществъ Н. Г. Рубинштейнъ и А. Н. Островскій повѣстили нѣкоторыхъ литераторовъ и артистовъ, и вслѣдствіе этого составилось неожиданно такое блестящее по разнообразнымъ талантамъ собраніе наличныхъ въ Москвѣ знаменитостей, какого пожалуй теперь больше не подберешь.

Обѣдъ прошелъ очень оживленно и весело; а послѣ обѣда, безъ всякаго принужденія и приглашенія, единственно изъ желанія повеселить гостей, Рубинштейнъ подошелъ къ роялю и сыгралъ не одну, а нѣсколько піесъ, которыя тогда онъ исполнялъ въ совершенствѣ. За Рубинштейномъ спѣла Лавровская, продекламировалъ или сказалъ что-то Островскій, прочитала монологъ изъ Макбета Г. Н. Ѳедотова, И. Ѳ. Горбуновъ проговорилъ нѣсколько своихъ разсказовъ, какой-то докторъ (фамиліи котораго я теперь не припомню) продекламировалъ юмористическіе стихи, и всякій, кто что́ могъ и умѣлъ, съ охотой приносилъ жертву на алтарь священнаго огня, который возжегъ у всѣхъ Росси.

Но вотъ мало по малу все затихаетъ, и вечеру наступаетъ какъ бы конецъ. Тогда поднимается виновникъ этого торжества и растроганнымъ голосомъ благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за величайшую честь, которую они ему сдѣлали, которая не выйдетъ никогда изъ его памяти и изъ сердца, и въ заключеніе проситъ позволенія самому сказать одну сцену, одинъ монологъ, написанный нарочно для него однимъ Итальянскимъ его пріятелемъ и поэтомъ.

Монологъ этотъ имѣетъ названіе „Христофора Колумба“ (недавно онъ его повторялъ въ Москвѣ же публично). Вотъ тутъ-то нужно было видѣть и слышать знаменитаго трагика. Сценическому успѣху актера конечно помогаютъ много иллюзія, гримировка, костюмы, отдаленность артиста отъ зрителя, эффектное освѣщеніе и т. д. Но чтобъ въ тѣсной залѣ, имѣя слушателей почти у себя на носу, прочитать или лучше сказать сыграть такъ, какъ это сдѣлалъ въ тотъ вечеръ Росси, было какъ-то невозможно, неправдоподобно, и всѣ самые талантливые его зрители невольно протирали глаза, не вѣря самимъ себѣ, до какой иллюзіи можетъ дойти истинное искусство.

Сюжетъ Христофора Колумба состоитъ въ томъ, что, рѣшившись открывать Америку и руководясь своими вычисленіями, основанными

на противувѣсѣ двухъ материковъ, одного извѣстнаго и открытаго а другаго имъ открываемаго, знаменитый мореплаватель убѣдилъ въ томъ Испанское правительство и экипажъ корабля, на которомъ онъ плылъ. Разсчеты эти оказались ошибочными; прошло уже много времени съ той минуты, когда онъ надѣялся увидѣть берегъ. Матросы начали волноваться, требовать возвращенія; волненіе стало переходить въ угрозы, грубости и кончилось почти открытымъ бунтомъ. Вотъ этотъ-то моментъ жизни Колумба и выбралъ поэтъ темою для своего монолога. Колумбъ изнемогаетъ подъ бременемъ сомнѣній и обстоятельствъ. Вдохновенно онъ еще разъ говоритъ о невозможности впасть въ ошибку, затѣмъ обращается къ Богу, молитъ Его поддержать, научить и спасти его. Немного спустя, онъ впадаетъ въ отчаяніе.... и было нужно видѣть тогда лицо, голосъ и всю фигуру знаменитаго трагика, чтобы понять, какъ одной силой интонаціи голоса можно заставить публику проливать слезы и жить вмѣстѣ съ изображаемымъ лицомъ.

Всѣми присутствующими овладѣлъ какой-то трепетъ ..... и вдругъ Росси вскакиваетъ со стула, преображается,—да другаго слова и нельзя подобрать къ данному случаю. Безъ всякаго грима, даже не поднося рукъ къ лицу, онъ какъ бы перерождается: глаза его пылаютъ огнемъ, онъ дѣлается великимъ, вдохновеннымъ геніемъ, *богомъ моря*.... Что́ же случилось? Колумбъ увидѣлъ на волнахъ щепку. Щепка, значитъ стволъ дерева; а если дерево, то оно должно было гдѣ нибудь расти,—значитъ берегъ! земля!

Тутъ онъ падаетъ на колѣни и благодаритъ Бога. Во время этой молитвы, матросъ, стоявшій на салингѣ, восклицаетъ тоже „земля!“ и Колумбъ падаетъ въ обморокъ.

XIII. Скульпторъ Рамазановъ.

Рѣдко и даже почти невозможно въ настоящее время встрѣтить такого талантливаго и многосторонне-одареннаго человѣка, какъ былъ покойный Николай Александровичъ Рамазановъ. Скульпторъ, рисовальщикъ, музыкантъ, композиторъ, импровизаторъ, пѣвецъ, актеръ, танцоръ, поэтъ, литераторъ.... словомъ не было почти отрасли искусства, которой бы онъ не былъ замѣчательнымъ представителемъ.

Происходя самъ изъ артистической семьи (мать знаменитая актриса, отецъ весьма извѣстный пѣвецъ, братъ композиторъ и музыкантъ, сестра актриса, тетка знаменитая Вальберхова и т. д.) Николай Александровичъ служилъ въ Москвѣ профессоромъ скульптуры въ Училищѣ Живописи и Ваянія (что́ у Мясницкихъ воротъ). Многосторонняя артистическая способность не мѣшала ему быть преподавателемъ по манерѣ стараго време-

ни, когда ученики были вмѣстѣ съ тѣмъ и друзьями, и домашними людьми своего наставника.

Посвятивъ себя своему профессорству, Рамазановъ не очень много интересовался частными и даже общественными заказами. Тѣмъ не менѣе, по заказу правительства, онъ сдѣлалъ четыре барельефа на памятникъ императора Николая въ Петербургѣ (на Маріинской площади), Св. Георгія и всѣ орнаменты въ Георгіевскую залу большаго Кремлевскаго дворца и, вмѣстѣ съ профессоромъ Логановскимъ, всѣ круглые барельефы на Московскомъ храмѣ Христа Спасителя, большую часть манекеновъ для Дашковской галереи Румянцовскаго Музея и т. д.

Конкурсная его работа на первую золотую медаль въ Академіи Художествъ, за которую онъ и отправленъ былъ въ Италію, была статуя „Мальчикъ, играющій въ свайку“, высѣченная въ послѣдствіи изъ мрамора.

Въ Италіи въ то время была обширная колонія Русскихъ художниковъ, проводившая время совершенно по артистически. Рамазановъ скоро сдѣлался душою всего этого общества, руководителемъ и устроителемъ всевозможныхъ пикниковъ, поѣздокъ и маскарадовъ, пока въ одинъ прекрасный день, во время загороднаго кутежа, онъ выкинулъ въ окно остеріи какого-то пристававшаго къ нему аббата, за что́ и высланъ былъ съ жандармомъ въ Россію.

Слава Рамазанова въ Римѣ была такъ велика и память о немъ сохранилась такъ долго, что, пріѣхавъ туда черезъ 12 лѣтъ послѣ его высылки и уже бывши съ нимъ пріятельски дружевъ въ Москвѣ, я слышалъ о немъ воспоминанія и разсказы не только отъ его товарищей и художниковъ, какой бы національности они ни принадлежали, но и отъ простолюдиновъ, особенно въ тѣхъ окрестностяхъ Рима, которыя наиболѣе посѣщалъ Рамазановъ.

Да и не могло быть иначе. Рамазановъ не могъ дѣлать ничего въ половину. Всѣ его душевныя движенія были доводимы до высшей напряженности, и какъ въ злобѣ, такъ и въ дружбѣ онъ былъ могучъ и даже неподражаемъ.

Здѣсь хочу я разсказать маленькій эпизодъ, вполнѣ характеризующій пылкую, артистическую натуру Рамазанова и вмѣстѣ съ тѣмъ на сколько дружественны были его отношенія ко мнѣ, которымъ теперь, въ нашъ матеріально-положительный вѣкъ, едва ли найдутся подражатели.

Въ 1857 году я написалъ, а книгопродавецъ Вольфъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Живопись и живописцы всѣхъ временъ и народовъ“. Конечно въ книгѣ этой было мало своего сочиненія, а собраны факты и данныя, почерпнутые изъ несомнѣнно-достовѣрныхъ источниковъ. Распростра-

нившись объ иностранныхъ художникахъ и ихъ школахъ, я почелъ необходимымъ написать и о Русской школѣ, впервыя подъ моимъ перомъ получившей, такъ сказать, право гражданства, и въ этой школѣ я помѣстилъ до 200 именъ и краткихъ біографій Русскихъ художниковъ.

Любовь къ искусству, въ особенности къ его литературной и исторической сторонѣ, была тогда еще весьма слаба въ Россіи, или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ читающаго общества.

Не знаю что́ думалъ издатель; но я по крайней мѣрѣ думалъ, что, бывъ единственнымъ составителемъ моей книги, которую едвали кто замѣтитъ, я буду и единственнымъ ея читателемъ.

Каково же было не одно только мое, но и общее удивленіе, когда, почти вслѣдъ за выходомъ ея, Императорская Академія Художествъ, въ общемъ собраніи своихъ членовъ, единогласно постановила за „любовь и познанія въ искусствѣ", назначить меня своимъ „Почетнымъ Вольнымъ Общникомъ". Званіе это причислено по рангу и мундиру къ IV классу Министерства Императорскаго Двора, а по почету, которымъ оно пользуется въ академической іерархіи, стоитъ не ниже академиковъ и профессоровъ.

Первый, кто получилъ извѣстіе въ Москвѣ объ этой неожиданности, былъ Рамазановъ; ему написалъ объ этомъ товарищъ и пріятель его, служившій въ Академіи Художествъ, князь Ухтомскій. Захвативъ съ собою гостившаго у него въ то время академика Вольскаго, Рамазановъ нанимаетъ извощика, чтобы скакать на Арбатъ, гдѣ я въ то время жилъ (въ моемъ маленькомъ домѣ, въ Калошиномъ переулкѣ). Ѣхать надо было Охотнымъ Рядомъ. Въ то время славился и процвѣталъ колоніальный магазинъ Егорова (существующій и донынѣ), хозяинъ котораго былъ, что́ называется, „другъ артистовъ". Сколько актеровъ, литераторовъ и художниковъ находили въ особой комнатѣ этого магазина любезный пріемъ, всегда лучшія вина и угощеніе, и за болѣе или менѣе пониженную плату! Рамазановъ не могъ утерпѣть, чтобъ на радостяхъ не заѣхать къ Егорову и не взять дюжины Клико (это Шампанское было въ то время въ модѣ). За Рамазановымъ вошелъ туда конечно и Вольскій. Видя подлѣ себя своего друга и не довольствуясь уже только покупкою вина, Рамазановъ, все изъ за „той же радости", рѣшился распить тутъ же хоть половину Шампанскаго, чтобъ пріѣхать ко мнѣ вполнѣ настроеннымъ и веселымъ.

Увы! они выпили всю дюжину и, кажется, прихватили еще „Лиссабонскаго", такъ что когда, наконецъ, къ вечеру Рамазановъ ввалился ко мнѣ, онъ не могъ уже ничего разсказать о цѣли пріѣзда и только кричалъ во все горло: „E viva l'artista", изъ чего конечно тогда я ничего понять не могъ. Истинную же цѣль радости и пріѣзда Рамазанова я узналъ только на другой день.

XIV. Егоръ Ивановичъ Маковскій.

Кто не знаетъ про талантливое, артистическое семейство Маковскихъ? Имена профессоровъ живописи Константина и Владимира Егоровичей славны не только въ Россіи, но и за границей. Покойный братъ ихъ, Николай Егоровичъ, былъ превосходнымъ пейзажистомъ и архитекторомъ, сестра Александра Егоровна—талантливая художница; мать ихъ Любовь Карнѣевна была въ свое время извѣстная пѣвица. Но по моему мнѣнію всѣхъ замѣчательнѣе въ этомъ художественномъ семействѣ былъ самъ представитель и глава ихъ, незабвенный Егоръ Ивановичъ Маковскій, умѣвшій развить и вдохновить всю семью настолько художественно, что слѣды его, можно сказать, геніальнаго воодушевленія долго еще будутъ жить въ его нисходящемъ потомствѣ.

Скромный, вдумчивый, почти нелюдимъ, незначительный чиновникъ Московской Дворцовой Конторы, въ которой онъ занималъ мѣсто бухгалтера, хотя въ тоже время былъ самъ прекрасный рисовальщикъ (онъ первый въ Москвѣ получилъ серебряную медаль отъ Императорской Академіи Художествъ за рисунокъ съ натуры), Егоръ Ивановичъ весь преданъ былъ дѣлу искусства, которое онъ любилъ до безумія и на скудныя средства свои, отказывая себѣ, а нерѣдко и семейству своему, въ самомъ необходимомъ, собиралъ и покупалъ гравюры, которыя тогда еще можно было находить въ продажѣ. Изъ нихъ онъ составилъ со временемъ великолѣпнѣйшее собраніе, доходившее до нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, въ томъ числѣ иногда самыхъ рѣдкихъ.

Егоръ Ивановичъ, съ которымъ, по любви моей къ искусству, нѣсколько лѣтъ видался я почти ежедневно, дорогъ для Москвы и для Русскаго искусства въ особенности тѣмъ, что вмѣстѣ съ художниками Ястребиловымъ, Добровольскимъ, а впослѣдствіи съ адъютантомъ Московскаго генералъ-губернатора Ѳ. Я. Скарятинымъ онъ основалъ Московское Училище Живописи и Ваянія *), сдѣлавшееся въ настоящее время Московскою Академіей Художествъ и давшее Россіи великое множество талантливыхъ художниковъ по разнымъ отраслямъ искусства.

Основаніе это произошло какъ будто случайно.

Въ 1830 году, страстно любившіе искусство Е. И. Маковскій и Ястребиловъ, видя недостатокъ своего художественнаго образованія, стали мечтать, какъ бы устроить натуральный классъ, чтобъ порисовать съ натуры. Скоро къ нимъ присоединились еще нѣсколько художниковъ и любителей, и вотъ въ квартирѣ Ястребилова (на Ильинкѣ, у церкви Николая), стали мало по малу собираться члены новаго общества, рѣшившіеся на всѣ расходы вносить ежемѣсячную плату по 15 р. асс. Любитель и хоро-

*) Учрежденію этого Училища въ теперешнемъ его видѣ много помогли также позднѣе А. С. Хомяковъ и С. П. Шевыревъ. П. Б.

шій уже рисовальщикъ Я. Ѳ. Скарятинъ, вѣроятно обладавшій бо́льшими средствами, предложилъ съ своей стороны деньги для первоначальнаго обзаведенія общества.

Узнавъ объ этой прекрасной затѣѣ въ Москвѣ, не имѣвшей тогда рѣшительно никакого художественнаго пособія для образованія даже любителей, къ этому кружку стали быстро примыкать всѣ тѣ, которые хотя и стояли достаточно высоко въ искусствѣ, но ждали его усовершенствованія или желали сдѣлать поощреніе начинающему кружку. Таковы были извѣстный скульпторъ *Витали*, работавшій въ то время въ Москвѣ, ученикъ его *Біанки*, *Капель*, прекрасный уже портретистъ и ученикъ Рафаеля Менгса, художникъ *Добровольскій* и т. д.

Натурщика нашли въ баняхъ (Ѳедора), купили большую лампу, столъ, скамейки и принялись рисовать. Хотя полиція и заподозрила въ вечернихъ этихъ собраніяхъ какое-то тайное общество и донесла тогдашнему генералъ-губернатору князю Голицыну; но дѣло обошлось миролюбиво, и небольшой кружокъ къ осени того года могъ устроить уже небольшую выставку, на которой отличались и обратили вниманіе публики: сепіей портретъ *Дурново*, акварель *Добровольскаго* и многія другія талантливыя вещицы.

Начальникъ Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго Училища князь Львовъ, видя такой успѣхъ класса, предложилъ выдавать ему ежегодно по 2000 р. асс. съ тѣмъ, чтобы лучшіе ученики Училища могли посѣщать классъ безпрепятственно и пользоваться совѣтами художниковъ.

Тогда потребовалось уже расширеніе помѣщенія. Классъ переведенъ на Лубянскую площадь въ домъ Шипова, гдѣ онъ и сгорѣлъ.

Какъ Фениксъ, возродился онъ изъ пепла, бѣдный средствами, но сильный духомъ, сперва на Большой Дмитровкѣ въ домѣ Павлова, а потомъ на Большой Никитской въ домѣ Махова.

Въ 1842 году, по усиленнымъ хлопотамъ князя Д. В. Голицына и И. Г. Сенявина, наконецъ, утвержденъ былъ уставъ заведенія, которое хотѣли сперва назвать Академіей, но, получивъ изъ Петербурга отвѣтъ, что двухъ Академій Художествъ въ Россіи быть не должно, назвали окончательно „Московское Училище Живописи и Ваянія“.

Отецъ и основатель этого общества, Егоръ Ивановичъ Маковскій, имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть свое созданіе довершеннымъ. Мало того, онъ осязательно чувствовалъ, что двое изъ его любимыхъ сыновей въ залахъ этого училища крѣпнутъ, ростутъ, оперяются и вылетаютъ съ гнѣзда уже вполнѣ окрыленными, во всей силѣ таланта.

Миръ праху твоему, честный труженикъ, не безъ пользы проведшій свой вѣкъ и безъ ропота переносившій невзгоды скромной своей доли!

Живо помню я Егора Ивановича, высокаго, съ рѣдкими остатками волосъ на головѣ и подъ конецъ уже лысаго, глуховатаго, какъ приходилъ онъ ко мнѣ съ убѣдительной просьбой пойти къ нему и пересмотрѣть съ нимъ хоть одну „папочку“ (т. е. папку съ гравюрами). Сколько

доброты свѣтилось въ глазахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страха, что вдругъ я откажусь, и онъ сочтетъ этотъ вечеръ потеряннымъ, потому что разсматриваніе гравюръ есть въ своемъ родѣ искусство: тутъ недостаточно имѣть глаза и разсудокъ, какъ при созерцаніи всякаго другаго предмета; тутъ нужно имѣть навыкъ, знаніе, эрудицію, способность усвоивать себѣ впечатлѣнія, а главнѣе всего умѣть вести по поводу каждаго появляющагося на столѣ гравированнаго листа художественную бесѣду, безъ авторитетнаго тона, дополняя и обновляя свои познанія, вкусъ и чувство знаніемъ и опытностію собесѣдника.

Осмотры эти доставляли мнѣ тогда истинное наслажденіе. Сколько новыхъ данныхъ, мыслей и соображеній появлялось нерѣдко по поводу этихъ осмотровъ! Иногда, глядя на гравюру и начавъ объ ней рѣчь, какъ о картинѣ, невольно переносились мы въ область ея сюжета, въ миѳологію, исторію, топографію мѣстностей, даже эстетику, логику и чуть ли не философію.

Нѣтъ уже теперь такихъ теплыхъ, чистыхъ, чуть не святыхъ людей, какимъ былъ покойный Егоръ Ивановичъ Маковскій.

XV. Институтка и маіоръ Стюартъ.

Желанія бываютъ весьма различны. Разсказываютъ, что когда предложили одному Англичанину исполнить задушевное его желаніе, то онъ сказалъ, что желаетъ 1) имѣть всегда столько ростибифу, сколько можно съѣсть, 2) имѣть всегда столько портеру, сколько можетъ выпить и 3)—еще немножко портеру. Но, можетъ быть, этого никогда и не было. А вотъ что́ было въ дѣйствительности, во время моего пребыванія въ Петербургѣ.

Институтъ и само вѣдомство путей сообщенія основано при императорѣ Александрѣ I-мъ, для чего выписаны изъ Франціи знаменитые инженеры и въ числѣ ихъ извѣстный тогда гидротехникъ генералъ Бетанкуръ. Преподаваніе въ Институтѣ производилось долгое время на Французскомъ языкѣ; но, поступивъ въ Институтъ, я уже этого не засталъ, хотя весь складъ преподаванія того времени рѣзко отличался отъ остальныхъ высшихъ заведеній и школъ Петербурга, не говоря уже о любимомъ типѣ того времени кадетскихъ и другихъ военно-учебныхъ заведеній.

Форма не только воспитанниковъ Института, но даже и находившихся на службѣ выпущенныхъ офицеровъ была тоже довольно своеобразная: трехугольная шляпа, офицерскіе эполеты и полное отсутствіе бакенбардовъ и усовъ, что́ объяснялось отчасти традиціями заведенія и установленіемъ формы при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, который самъ не носилъ даже и усовъ. (А въ арміи между тѣмъ въ послѣдствіи вольность эта была допущена, и гвардейскіе офицеры, въ особенности же кавалеристы щеголяли и обольщали дѣвицъ не столько своимъ костюмомъ и шпорами, какъ ухарски закрученными усами, которые конечно шли къ ихъ лицу тѣмъ болѣе,

что это невинное украшеніе всѣмъ штатскимъ, какъ служащимъ, такъ, кажется, и неслужащимъ, было строжайше воспрещено).

Въ одномъ изъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній Петербурга воспитывалась въ серединѣ царствованія императора Николая I-го одна барышня. Императоръ, какъ извѣстно, часто навѣщалъ Институты, въ то время строго закрытые, и любилъ, чтобы къ нему обращались съ разговорами, вопросами и даже просьбами.

Въ одно изъ его посѣщеній Института, о которомъ идетъ рѣчь (Патріотическаго или Смольнаго, не помню) выдвигается изъ рядовъ очень хорошенькая дѣвушка, выдержавшая уже экзаменъ и предназначенная къ выпуску. Быстро она переходитъ всю залу и бросается передъ Императоромъ на колѣни.

„Какая у васъ просьба?“ ласково привѣтствовалъ ее Императоръ.

— Разрѣшите офицерамъ Путей Сообщенія носить усы, Ваше Величество.

Дѣло разобрали, и оказалось, что эта дѣвица была невѣстой только что выпущеннаго въ офицеры (впослѣдствіи маіора) Стюарта, моего товарища, очень красиваго молодаго человѣка и которому, по мнѣнію этой барышни для полнаго его совершенства, не доставало только усовъ.

Результатомъ этого наивнаго желанія или просьбы явился приказъ тогдашняго главноуправляющаго Путей Сообщенія графа Клейнмихеля, котораго къ сожалѣнію я не могу привести въ дословной формѣ, но содержаніе котораго было то, что Государь Императоръ, желая осчастливить вѣдомство Путей Сообщенія и показать имъ обращикъ своего къ нему благоволенія, разрѣшаетъ офицерамъ этого вѣдомства носить усы.

Кстати о Бетанкурѣ, о которомъ я упомянулъ выше.

Съ развитіемъ вѣдомства, онъ пересталъ уже быть директоромъ Института и занялъ самъ мѣсто высшаго начальника вѣдомства Путей Сообщенія, т. е. его главноуправляющаго.

Однако, какъ всему бываетъ конецъ, Бетанкуръ по болѣзни вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ южный край лѣчиться, послѣ чего скончался въ Константинополѣ, оставивъ все свое семейство въ Россіи.

Нужно было перевезти его прахъ въ новое его отечество, чего желали родные; да и не было при немъ никого, кто бы могъ озаботиться его похоронами, какъ все-таки человѣка сановнаго и значительнаго.

Это ли, или отсутствіе средствъ сдѣлали то, что, когда нужно было переносить его на корабль для доставленія въ Одессу, трупъ не былъ набальзамированъ и во избѣжаніе порчи дорогой рѣшили его опустить въ бочку со спиртомъ и такимъ образомъ доставить цѣлымъ и невредимымъ.

Однако, когда пріѣхали въ Одесскую гавань и стали его распаковывать, чтобы переложить въ гробъ, оказалось, что онъ совершенно испортился, да не оказалось и спирту, въ который онъ былъ опущенъ.

Въ первое время подумали, что бочка дала течь и спиртъ улетучился самымъ естественнымъ образомъ. Однако по разслѣдованіи оказалось, что

матросы того корабля, на которомъ везли эту бочку, почуявъ ея содержимое, просверлили въ ней дырочку и, вставивъ въ нее соломинку, ежедневно по очереди и по нѣскольку разъ въ день отправлялись незамѣтно въ трюмъ, чтобы пить настойку, которую тогда же, назвали „Бетанкуровкой.

XVI. Нѣмецъ-аптекарь.

Лѣтъ 30 тому назадъ, а можетъ быть нѣсколько и раньше, на Елагиномъ острову въ Петербургѣ былъ большой пожаръ. Сгорѣлъ до основанія флигель дворца, въ которомъ въ это время жилъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Во флигелѣ этомъ помѣщалась аптека и квартиры для нѣкоторыхъ служащихъ. Пожаръ произошелъ ночью и хотя по матеріальнымъ потерямъ не могъ бы считаться громаднымъ, но по послѣдствіямъ своимъ долженъ быть отнесенъ къ событіямъ чрезвычайнымъ.

На пожарѣ этомъ сгорѣло кромѣ всего имущества дворцоваго аптекаря и все семейство его, состоявшее изъ жены и 6 человѣкъ дѣтей. Застигнутые врасплохъ по всей вѣроятности ѣдкимъ дымомъ горѣвшихъ медикаментовъ аптеки, надъ которой и помѣщалась квартира аптекаря, они не могли найти выхода, и когда солнце освѣтило пожарище, подъ грудой пепла нашли только кости сгорѣвшихъ семи человѣкъ.

Событіе это произвело въ Петербургѣ большой говоръ, и всѣ, кому только было свободное время, поспѣшили посѣтить мѣсто пожарища и лично удостовѣриться въ справедливости почти неправдоподобнаго слуха.

Въ числѣ такихъ охотниковъ до сильныхъ ощущеній оказался и я, пріѣхавъ вмѣстѣ съ прочими на другой день послѣ сказаннаго событія.

Я до сихъ поръ не могу забыть то страшное ощущеніе, которое я тогда испыталъ за мое неразумное любопытство.

Я засталъ самого аптекаря, высокаго сѣдаго старика, бродящаго по развалинамъ и съ длинной палкой въ рукѣ. Онъ былъ безъ шапки, и одежда его представляла что-то среднее между типомъ короля Лира и маской Макбетовой вѣдьмы. По всѣмъ признакамъ онъ мнѣ казался помѣшаннымъ, и таково мнѣніе было въ то время всеобщимъ. Да конечно и было отъ чего помѣшаться: въ одну ночь, почти въ одну минуту потерять жену, все семейство и все состояніе.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ, услышавъ объ этомъ страшномъ событіи, не рѣшился даже на первыхъ порахъ видѣть несчастнаго, боясь его безпокоить и разсказомъ о происшествіи еще больше подливать яду въ глубоко безъ того растравленную рану страдальца.

Однако, когда первое впечатлѣніе нѣсколько поутихло, Великій Князь, который только по внѣшности былъ нѣсколько строгъ и суровъ, а въ душѣ въ высокой степени добръ и великодушенъ, приказалъ призвать къ себѣ Нѣмца-аптекаря и сострадая его положенію, обратился къ нему съ сочувственными и милостивыми словами:

— Не стану васъ успокоивать или утѣшать; положеніе ваше таково, что оно не поддается никакому утѣшенію или облегченію. Но вотъ что я вамъ скажу. Сейчасъ я ѣду во дворецъ къ Государю, который теперь въ Петербургѣ. Просите, чего хотите, и я надѣюсь на доброту Государя, что онъ сдѣлаетъ для меня и для васъ все, что будетъ возможно въ облегченіе вашего положенія и участи.

Долго стоялъ высокій старикъ передъ Великимъ Княземъ, какъ бы соображая отвѣтъ и боясь упустить случай, быть можетъ единственный въ жизни. Наконецъ, надумавшись, онъ бросается передъ Великимъ Княземъ на колѣна и трогательнымъ, патетическимъ голосомъ произноситъ:

„Святыя Анны третьей степени!“

Не знаю, исполнено ли было это желаніе честолюбиваго Нѣмца.

XVII. Сергѣй Ивановичъ Штуцманъ.

Я зналъ такого чудака, который пролгалъ все свое состояніе. Это былъ извѣстный въ свое время въ Москвѣ довольно богатый помѣщикъ. Онъ былъ любимъ всѣми своими знакомыми, хотя и имѣлъ ужасный порокъ не то лгать, не то хвастать, и все страшно преувеличивать.

Ѣдетъ ли онъ въ каретѣ, встрѣчается съ пріятелемъ, которому стоитъ только похвалить его экипажъ, какъ сейчасъ же скажетъ: А знаешь ли что я заплатилъ?—Рублей 700 или 800“, отвѣчаетъ пріятель.—Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нужно умѣть покупать. Карета эта стоитъ мнѣ всего 200 рублей.—„Ахъ ради Бога, закажи и мнѣ точно такую; я буду тебѣ очень благодаренъ“.—Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ хвастунъ. Покупаетъ новую карету за 850 рублей, отдаетъ ее своему знакомому за 200 р. и получаетъ 650 р. чистаго убытка!

Узнавъ о такихъ его свойствахъ и качествахъ, находилось конечно очень много людей, желавшихъ этимъ воспользоваться, и вотъ черезъ 5—6 лѣтъ такой лживой жизни у достаточнаго нѣкогда человѣка не осталось уже почти никакого состоянія: онъ его все пролгалъ.

Бываютъ еще и такіе лгуны, которые, солгавъ разъ или повторивъ солганное, начинаютъ вѣрить солганному, принимаютъ уже ложь за истину и готовы дать себѣ отрубить голову, лучше чѣмъ отказаться отъ своего убѣжденія.

Но есть еще лгуны, самые безвредные, не залѣзающіе ложью ни въ чужой карманъ, ни въ чужую совѣсть, лгущіе изъ любви къ искусству, по натурѣ, даже передъ самимъ собою, и къ числу такихъ лгуновъ, вѣроятно даже въ превосходной степени, принадлежалъ покойный пріятель мой Сергѣй Ивановичъ Штуцманъ.

Талантливый человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, бывшій капельмейстеръ Московскаго Большаго театра (хотя начавшій свою карьеру простымъ трубачемъ въ какомъ-то военномъ хорѣ), игравшій рѣшительно на всѣхъ инструментахъ, талантливый самъ музыкантъ и композиторъ (музыка на

мои слова „Говорятъ, что я кокетка“ написана Штуцманомъ), Сергѣй Ивановичъ былъ именно такой лгунъ. Онъ серьезно говорилъ нерѣдко такія несуразныя вещи, что если бы я не зналъ его расположенія къ себѣ, то просто можно подумать, что онъ меня дурачитъ.

Такъ, придя изъ своей квартиры (онъ жилъ тогда сзади Большаго театра, въ домѣ Хомякова), онъ сталъ увѣрять меня и даже божиться, что „встрѣтилъ на Тверской бѣжавшаго по тротуару зайца и даже зеленаго“.

Все это было бы очень глупо и даже нелюбопытно, еслибы эти случаи были единичные и даже при абсолютной своей безвредности не имѣли своими послѣдствіями какого-то уже умственнаго психоза, вслѣдствіе котораго Сергѣй Ивановичъ рѣшался по временамъ обманывать даже самаго себя.

Разъ я прихожу къ Штуцману и застаю его въ страшномъ волненіи. Дѣло въ томъ, что подъ конецъ жизни онъ сталъ подверженъ спиртнымъ напиткамъ. Онъ пилъ много, и вино очевидно ему вредило. Лицо его сдѣлалось краснымъ, угреватымъ, жилы напружились, онъ жаловался на біеніе сердца, одышку и т. п.

Вотъ онъ и рѣшился если не совсѣмъ прекратить выпивку, то по крайней мѣрѣ быть много воздержнѣе. Для этого онъ придумалъ слѣдующую комбинацію. Водку свою поставилъ онъ въ жестью окованный погребецъ, какихъ тогда было много въ Россіи (теперь они вывелись). Погребецъ онъ замкнулъ въ три оборота ключемъ, который по обычаю тогдашнихъ слесарей производилъ музыку. Самый погребецъ поставилъ далеко подъ диванъ къ самой стѣнѣ и, приставивъ стулъ къ высокому шкапу, закинулъ ключъ на самую его верхушку.

Казалось бы всѣ предосторожности приняты, соблазнъ выпивки удаленъ, и Сергѣю Ивановичу оставалось только благоразумно вынести свою самимъ себѣ наложенную эпитимію съ стоическою твердостію и терпѣніемъ.

И что же я вижу при входѣ въ его квартиру, дверь которой, при свойственной Штуцману разсѣянности и безпечности, никогда не бывала ни заперта, ни защелкнута, единственная же прислуга его постоянно или спала или была въ кабакѣ? Я засталъ Штуцмана на высокомъ стулѣ съ длинною палкою, съ придѣланнымъ въ ней крючкомъ изъ гвоздя, выуживающаго ключъ со шкапа, куда онъ его забросилъ. Ключъ нуженъ ему былъ, чтобы потомъ лѣзть подъ диванъ, вытащить погребецъ, отомкнуть его, достать водки и выпить.

И въ этомъ поступкѣ повидимому не было ничего особеннаго или предосудительнаго. Но вотъ въ чемъ дѣло. Штуцманъ, желая выпить и все таки удерживая себя и при этомъ обманывая, дѣлалъ подобныя манипуляціи рѣшительно цѣлый день, такъ что подъ вечеръ совершенно выбивался изъ силъ. Онъ этимъ только и занимался, удѣляя время единственно для сна и обѣда. По меньшей мѣрѣ двадцать разъ въ часъ онъ лазилъ на шкапъ доставать ключъ, погребецъ, пилъ свою водку и проч.

Сильное воспаленіе легкихъ, которое и свело его въ могилу, могло только прекратить его добровольное паломничество за ключемъ и само-

обманъ. А все-таки онъ былъ человѣкъ добрый, честный, хорошій товарищъ и собесѣдникъ, и только послѣ смерти его узнали, сколько онъ дѣлалъ добра совершенно тайно, широко, какъ бы считая это своею обязанностію и совершенно не придавая значенія своимъ благотвореніямъ.

XVII. Григорій Исаковичъ Новаковичъ.

Бывшій ученикъ Московскаго Училища Живописи и Ваянія, впослѣдствіи художникъ и академикъ, Григорій Исаковичъ Новаковичъ, родомъ Сербъ, былъ удивительно одаренъ чувствомъ прекраснаго и изящнаго.

Простая и неуклюжая экономка и почти постоянная его натурщица Дуняша подъ кистью его превращалась то въ очаровательную крестьянку, то въ Данаю или Венеру, то въ Мадонну или Вакханку. Особенно хорошо удавалось ему писать обнаженное тѣло. Однажды въ Петербургѣ я засталъ и заставилъ снять ярлыки у тогдашняго поставщика Академіи Художествъ Прево (Невскій, у Полицейскаго моста) съ двухъ Вакханокъ, писанныхъ Новаковичемъ при мнѣ въ Москвѣ съ той же Дуняши: въ магазинѣ Прево подъ ними красовалась подпись яко бы Прудона, а ярлыкъ означалъ цѣну 17,000 рублей.

Новаковичъ былъ до крайности человѣкъ скромный. Бывало, призовешь его къ себѣ, предложишь какое-нибудь угощеніе; онъ отказывается отъ всего, говоря, что онъ сытъ и ѣсть не хочетъ. Но когда послѣ усерднаго внушенія онъ рѣшается приступить къ ѣдѣ, то дѣлаетъ это съ такимъ гомерическимъ апетитомъ, что можно было повѣрить, что онъ не только не ѣлъ нѣсколько дней, но даже держалъ пари съ знаменитымъ постникомъ Таннеромъ и пари проигралъ.

На средства, данныя В. А. Кокоревымъ, Новаковичъ поѣхалъ въ Римъ. Я засталъ Новаковича въ Римѣ въ положеніи крайне безпомощномъ. Какъ и во всѣхъ почти городахъ западной и южной Европы, въ Римѣ существуетъ законъ ввозной въ городà пошлины (octroi), въ особенности жизненныхъ продуктовъ, какъ-то мяса, вина, зелени, и т. д. Вотъ почему провизія, ввезенная въ городъ, въ трактирахъ, ресторанахъ и даже частныхъ домахъ, повышается въ цѣнѣ настолько значительно, что за городомъ уже замѣтно значительное удешевленіе. Ограда Рима сохранила еще примитивный свой характеръ, такъ что городъ соединялся съ слободами своими весьма незначительными промежутками, а за городомъ пошлина уже не дѣйствуетъ. Новаковичъ, находя именно въ этомъ разсчетъ, ходилъ обѣдать и ужинать обязательно всякій день за городъ. Не усвоивъ, несмотря на свое слишкомъ двухгодичное пребываніе въ Римѣ, Итальянскаго языка, онъ показывалъ въ разговорахъ только одни кулаки и повидимому достигалъ цѣли. Его понимали, и онъ получалъ слѣдуемое.

Наконецъ срокъ его командировки и отпущенія ему средствъ наступилъ. Онъ возвратился въ Россію частію *на лошадяхъ*, частію на своихъ

на двоихъ. Онъ привезъ съ собою нѣсколько картинъ, большею частію копій предметовъ, поразившихъ его въ иностранныхъ коллекціяхъ.

Кокорева въ это время въ Москвѣ уже не было. За отсутствіемъ мецената, его кліенту оставалось только продать всѣ привезенныя имъ картины и копіи и почить на лаврахъ, если только лаврами можно назвать набитый сѣномъ тюфякъ. Дуняша, пока онъ жилъ за границей, вышла замужъ и уѣхала куда-то въ провинцію.

Обуреваемый негодованіемъ и скорбью, Григорій Исакіевичъ, по возвращеніи своемъ вступившій было въ кругъ своихъ товарищей-художниковъ, вдругъ исчезъ изъ Москвы, и долго не могли найти его, ни узнать гдѣ онъ.

Какой-то случай выяснилъ сущность того, что въ Троицкой Лаврѣ появился послушникъ очень похожій на Новаковича. Дальнѣйшія справки лицъ ему весьма преданныхъ и его любившихъ разъяснили, что Новаковичъ дѣйствительно пришелъ пѣшкомъ въ Сергіевскую Лавру, поступилъ послушникомъ, за свой талантъ былъ переведенъ въ существующую у Троицы Иконописную школу, въ которой пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, потомъ сбѣжалъ и, наконецъ, очутился на связкѣ загнившей соломы въ Москвѣ, въ одномъ изъ подваловъ грязныхъ домовъ Стрѣтенской части, гдѣ, потерявъ разсудокъ, никогда и никого болѣе не узнавалъ, и въ этомъ состояніи умеръ. Подобно Гоголю, онъ уничтожилъ передъ смертію всѣ свои этюды, эскизы, рисунки, словомъ все, что могло бы оживить воспоминаніе о художникѣ, подававшемъ нѣкогда такія блестящія надежды. Его похоронили на счетъ бывшихъ его товарищей и почитателей.